

ГЛАВНАЯ ЦЕЛЬ

ПОСЛЕДНИЕ работы Анара — это две повести — «Контакт» и «Маджал» («Недосуг»), роман «Шестой этаж пятиэтажного дома», повесть по мотивам эпоса «Деде Коркуд», пьесы «Адамын адамы» («Свой своему») и «Лето в городе», сценарий телевизионного фильма «Юбилей Данте». Это еще не все. Я назвал лишь те произведения, что издавались, ставились, смотрелись, читались, переводились, обсуждались, словом, были на виду.

Пьесу «Адамын адамы» Анар поставил сам в театре имени М. Азизбекова. Вместе с Гюльбениз Азимзаде он снял художественный фильм «Юбилей Данте». Он авторизовал все переводы своих книг, «Контакт» перевел сам, к тому же «держал» корректуры всех своих азербайджанских и русских изданий. Кроме того, Анар, как и прежде, редактировал альманах искусств «Кобыстан», немало сил отдавал театальному обществу, будучи заместителем его председателя. Вероятно, здесь тоже еще не точка, а многоточие...

Все мы имеем свои пристрастия, и я, переводчик повести «Круг», романа «Шестой этаж пятиэтажного дома», больше всего люблю у Анара его прозу. Поэтому я не раз протестовал против того, что писатель пропадает на съемочных площадках и репетициях. На съемках «Юбилей Данте» мне казалось, что это неуправляемый хаос. Я не скрыл своего впечатления и был посрамлен: фильм получился очень стройным. Наверное, как это чаще всего и бывает, прав был автор, а не переводчик. Наверное, прав тот, кто слушает свою творческую мысль...

Фильм «Юбилей Данте» и похож, и не похож на одноименную повесть. В нем очевиден странное счастье бездарного актера Кябирлинского, над которым все смеются, который выглядит образцовым неудачником и недотепой. Но он счастлив одной своей бескорыстной причастностью к искусству, одной всепоглощающей любовью к театру. Это отлично сыграно Гасаном Турабовым, но, прежде всего, чрезвычайно последовательно проведено режиссурой. Найден пластический яркий и сильный финал — своеобразный апофеоз азербайджанского театра. То, что в повести было как подземный ключ, выплывает в фильме на поверхность. Помимо обычных достоинств (и недостатков), какие есть в любом серьезном фильме, «Юбилей Данте» — пример удачного перевода с языка одного искусства на язык другого, с языка прозы на язык кино.

Анар оказался интересным режиссером. Но поспевать за прихотями его вдохновения нелегко. Надо перестраиваться на ходу. Мы были привыкли,

ли, что Анар — автор социально-психологической прозы, где действие происходит в наши дни, а люди — наши знакомые. И вдруг — «Деде Коркуд», девятый век, эпическая простота, титанические страсти, сказовый стиль. Одно из лучших на свете эпических сказаний выйдет в ближайших месяцах в Москве отдельной книгой в свободном изложении Анара, с иллюстрациями Тогрула Нариманбекова. Издание предназначено для юношества, но оно будет интересно для всех. Ведь до сих пор мы имели только академические издания «Деде Коркуда», предназначенные главным образом для специалистов.

Повесть «Деде Коркуд» написана на основе сценария известного фильма. Памятны споры о том, насколько он эпичен и какими средствами достигается эпическая суть в игре актеров, в стилистике постановки. Но не успели отшуметь эти споры, как появился в кукольном театре «Каравелли», а за ним в Шекинском театре «Адамын адамы», задуманные, написанные и поставленные в духе азербайджанской народной буффонады. Она тоже уходит корнями в далекое прошлое, однако приобрела черты злободневного политического плаката в 20-е годы на подмостках Сатир-агиттеатра.

И вновь Анар «переключился» — бурный интерес, толки, поток рецензий вызвала уже реалистическая драма «Лето в городе»...

И «Каравелли», и «Адамын адамы», и «Лето в городе» были вкладом писателя в ту борьбу с отрицательными явлениями в жизни республики, под знаком которой прошли у нас последние десять лет. Партия возглавила эту борьбу, а наша литература, наше искусство немало сделали в помощи партии. «Лето в городе» производит особенно сильное впечатление, потому что в этой драме показано, как остра и порой мучительна борьба с собственническими страстями, с круговой порукой протекционизма и стяжательства. Тем дороже нравственная победа героя, что это победа и над самим собой.

Анар не раз доказывал, что гротескный сатирический плакат, сиюминутный отклик на злобу дня может быть настоящим искусством. Но наиболее художественно «задействован» гротеск у Анара там, где он сливается или соседствует с психологически насыщенным и реалистически гармоничным письмом. На фоне людей-марионеток, людей, чья жизнь свелась к дорогим покупкам, жратве, питью и заученным фразам, герой «Лета в городе» выглядит особенно живым, страдальчески живым и многогранным.

Причудливым и в то же время абсолютно естественным слиянием гротеска и реалистической достоверности отличаются новые, уже опубликованные в русском переводе повесть «Контакт» и роман «Шестой этаж пятиэтажного дома». Они вызвали много читательских писем, разноречивые (хотя и дружественные) отклики рецензентов. Вероятно, интерес читателей и критики к этим произведениям еще возрастет, когда летом выйдет в Москве, в издательстве «Советский писатель», одноименник Анара, куда включены три его повести и роман.

Гротескна сама сюжетная почва «Контакта»: студенту, изнеможенному от летней жары и тяжелых экзаменов, мерещатся в только что снятой комнате невероятные вещи. А может ли быть в жизни нечто невероятное? Вот в чем вопрос. Студент считает, что нет. А вы, читатель? Вопрос остается открытым. Но студент, который привык, что есть ответы на все вопросы, не может с этим примириться. И психологическая зоркость повести — в том, как описан этот тип человека. Критики уже обратили внимание, что ему легче посчитать себя сумасшедшим, чем признать, что он чего-то не понимает. Впрочем, это лишь одно из объяснений, которые он дает непонятному. Их несколько, и все они шатки. Последнее — пресловутый контакт с инопланетными существами, которым так увлекается научная фантастика. Повесть Анара тоже принимала за научно-фантастическую. Вряд ли это верно. Зачем инопланетянам морочить бедного студента? Анар показывает, как жалок человек, который хочет все в мире снабдить этикетками, как бабочек насаженных на булавки. Когда он видит бабочек, для которых нет названия, он сам себе не верит.

Так не верит в любовь, которая не отвечает обывательским стандартам, герой романа «Шестой этаж пятиэтажного дома». Для него существуют только пять этажей любви и жизни. Выше ему не подняться, хотя он молод и душа его открыта для счастья. Вернее, она приоткрывается, а он ее захлопывает. Показан человек, который не выносит свободы чувства, не выносит счастья. Ему слишком трудно дышать их разреженным воздухом, и он бежит, буквально спасается бегством — туда, где воздух привычно спертый, где на все существует цена.

Нельзя, видимо, говорить о борьбе этого человека с самим собой. В такой борьбе герои Анара обычно побеждают. Но в романе не Заур борется за свое счастье — скорее оно борется за него. Он же пассивно отдается то лучшим на-

чалам своей натуры — молодой свежести чувств, тяге к внутренней свободе, презрению к тупости и низости; то отдается мешанской мертвечине, с которой спокойней и проще, которая не требует борьбы, потому что в мирке «любви-служанки, замужества, похоти, хлеба», как называл это Маяковский, все уготовано и распределено заранее.

Тахмина — возлюбленная Заура — умирает молодой. Это трагедия, но не падение, как у Заура, который живет долго и скверно. Образ Тахмины, память о ее красоте, духовном артистизме, необыкновенной живости и раскованности, бескорыстии и смелости становится символом для тех, кто ее знал.

Возможно, так относится к своей героине и автор, хотя он вовсе не идеализирует ее. Он с какой-то суровой нежностью и жалостью останавливается на том, что, отстаивая себя от мешанской морали, Тахмина порой делает это как-то судорожно, словно упиваясь собственной страстностью, порывистостью, своеволием. Автор знает все слабости своей героини, — и если прощает их, то во всяком случае не скрывает от себя и от нас. Поэтому не правы были бы те, кто посчитал бы на чрезмерную любовь автора к Тахмине. Он и к ней так же взыскателен, как к Зауру, но ей он прощает, а ему — нет.

Он вообще более или менее снисходителен к страстям, ошибкам и слабостям своих героев, если они непреднамеренны, откровенны, стихийны. И, напротив, беспощаден к мертвенному, фарисейскому самодовольству тех, кто не подвержен простым слабостям и страстям, но творит мерзости хладнокровно и, так сказать, по убеждению. Анар разоблачает целую галерею нравственных уродов, которые считают, что мир существует для того, чтобы от него урвать кусок, а мораль — чтобы это скрыть. Можно говорить о прямой, отчетливой партийной установке писателя на разоблачение такого рода людей, на борьбу с ними.

Как ни сложен, многогранен, многожанров, разностилен писательский мир Анара, как ни дискуссионны порой его творческие решения, во всем, что он делает, одно несомненно: это стремление обогатить духовный мир современника и помочь ему идти вперед, оставаясь позади то, что нам мешало, то, что нам чуждо: прямую ли нечестность и низость, или обывательскую бездуховность, ограниченность. Для этой своей главной цели Анар работает и как прозаик, и как драматург, и как сценарист, и как публицист, и как режиссер.

В. ПОРТНОВ.